

Конфискация имущества: российский и зарубежный опыт правоприменения

Аннотация. В статье на основе данных о применении конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера в России, а также зарубежного опыта применения конфискации имущества исследуются перспективы повышения эффективности данной меры. Констатируется вызывающий обеспокоенность факт применения ст. 104.1 УК РФ в 60 % случаев за преступления, связанные с нарушением правил обращения с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами; с учетом частоты применения исследуемой меры указывается на отсутствие значимого желаемого воздействия; отмечается фактическое выполнение конфискацией имущества лишь «защитной» функции и пренебрежение потенциальной превентивной составляющей; указывается на такие недостатки, как закрытый перечень составов преступлений, обозначенных в ст. 104.1 УК РФ, законодательное ограничение возможности изъятия переданного осужденным другому лицу имущества только в случае, если лицо знало о том, что оно получено в результате преступных действий, возложение бремени доказывания незаконности приобретения имущества на органы государственной власти. Отдельно исследуются препятствия для возвращения конфискации имущества в число наказаний, среди которых сложившийся на протяжении последних лет опыт применения конфискации как иной меры уголовно-правового характера; возможность изъятия имущества в доход государства в гражданско-правовом порядке; негативный исторический опыт применения конфискации имущества; отсутствие однозначно достоверных и признаваемых данных, характеризующих превентивный потенциал конфискации как наказания (особенно в условиях возможности применения конфискации имущества как наказания исключительно к виновному лицу). Некоторое внимание уделяется вопросу положительных и отрицательных черт регламентации конфискации имущества в отраслевом законодательстве, а также аспектам переноса бремени доказывания законности приобретения имущества.

Ключевые слова: конфискация; конфискация имущества; система наказаний; уголовная ответственность; эффективность наказаний; официальная статистика; зарубежное законодательство; бремя доказывания; презумпция невиновности; корыстная преступность.

Для цитирования: Маслов В. А. Конфискация имущества: российский и зарубежный опыт правоприменения // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 110–122. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.110-122.

© Маслов В. А., 2024

* Маслов Вилли Андреевич, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Уральского юридического института МВД России
Корепина ул., д. 66, г. Екатеринбург, Россия, 620017
villi@e1.ru

Confiscation of Property: Russian and Foreign Law Enforcement Experience

Villi A. Maslov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Research, Editorial and Publishing Department, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russian Federation
villi@e1.ru

Abstract. The paper examines the prospects for increasing the effectiveness of this measure. The study utilizes the data on the use of confiscation of property as another measure of criminal law in Russia, as well as foreign experience in the use of confiscation of property. The author notes the alarming fact that Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is applied in 60% of cases for crimes related to violation of the rules for handling narcotic drugs, psychotropic and potent substances; given the frequency of application of the measure under study, the absence of a significant desired effect is indicated. It is noted that the confiscation of property actually performs only a «protective» function and neglects the potential preventive component. There are several shortcomings pointed out in the paper. Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation specifies a closed list of crimes. The legislation restricts the possibility of confiscating property transferred by a convicted person to another person; it is only possible if the person knew that it was obtained as a result of criminal acts; the burden of proof of the illegality of the acquisition of property is placed on government bodies. The obstacles to the return of confiscation of property to the number of punishments are examined separately. These include the experience of using confiscation as another measure of a criminal legal nature that has developed over the past few years. Some more are the possibility of confiscating property for the benefit of the state in a civil-legal manner; the negative historical experience of using confiscation of property; the absence of clearly reliable and recognized data characterizing the preventive potential of confiscation as a punishment (especially in the context of the possibility of using confiscation of property as a punishment exclusively to the guilty person). Some attention is given to the issue of positive and negative features of the regulation of confiscation of property in sectoral legislation, as well as aspects of shifting the burden of proof of the legality of the acquisition of property.

Keywords: confiscation; confiscation of property; punishment system; criminal liability; effectiveness of punishments; official statistics; foreign legislation; burden of proof; presumption of innocence; acquisitive crime.

Cite as: Maslov VA. Confiscation of Property: Russian and Foreign Law Enforcement Experience. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):110-122. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.110-122

Введение

Исключение конфискации имущества как самостоятельного вида наказания, приведшее к «гипертрофированно мягкому» уголовному законодательству (по меньшей мере в части антикоррупционной уголовной политики)¹, вызвало практически единогласную отрицательную реакцию в научной среде. Несколько более сдержан-

ная, но все так же отрицательная реакция была на возвращение в уголовный закон конфискации в качестве иной меры уголовно-правового характера.

Фактическая применяемость конфискации имущества не идет ни в какое сравнение с показателями преступности²: по итогам 2021 г. применимость конфискации имущества — 0,62 % (3 463 факта при 565 317 осужденных), по ито-

¹ Босхолов С. С. Российский либерализм и проблемы антикоррупционной уголовной политики // Труды Института государства и права РАН. 2014. № 3. С. 40.

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 г.: Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2021 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 03.11.2023).

гам 2022 г. — 0,72 % (из расчета 4 195 фактов при 578 751 осужденных).

Важно и то, что данная мера считалась традиционно эффективной в вопросах борьбы с корыстной должностной преступностью, в то же время указанные немногочисленные факты применения ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации относятся к лицам, совершившим иные преступления.

Как следствие, говорить о том, что данный институт эффективен, не приходится, и видится возможным обратиться к зарубежному опыту использования такого средства противодействия преступности.

Методология

На основе диалектико-материалистического метода познания с использованием метода статистического анализа исследуются имеющиеся статистические данные о применении конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера в России, доктринальные точки зрения и практика применения института конфискации в зарубежных странах.

Применение конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера в России

Начать нужно прежде всего с исследования преступлений, при совершении которых применяется конфискация имущества (диагр. 1).

Диаграмма наглядно свидетельствует, что 6 из 10 случаев применения конфискации связаны с привлечением к уголовной ответственности за незаконные действия и нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами.

355 фактов (на диаграмме 10 %) применения данной меры в отношении лиц, совершивших преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, с учетом общего числа осужденных по ст. 30 главы Осо-

бенной части УК РФ, составляющего 7 443 или (4,8 %), не может не вызывать вопросов.

Для иллюстрации представим информацию о применимости конфискации в 2022 г. (диагр. 2).

Стоит отметить и охарактеризовать положительно тенденцию роста фактов применимости конфискации с 3 463 до 4 195 раз (на 17,4 %), но с оговоркой, что в абсолютном выражении такого количества по-прежнему явно недостаточно, если всё же признавать имеющийся потенциал данной меры уголовно-правового характера.

Из иных значимых тенденций (но лишь в процентном соотношении) можно указать на рост удельного веса применимости конфискации за преступления против общественной безопасности (с 4 до 7 %).

Обозначив неостребованность практикой данной меры, акцентируем внимание на следующем.

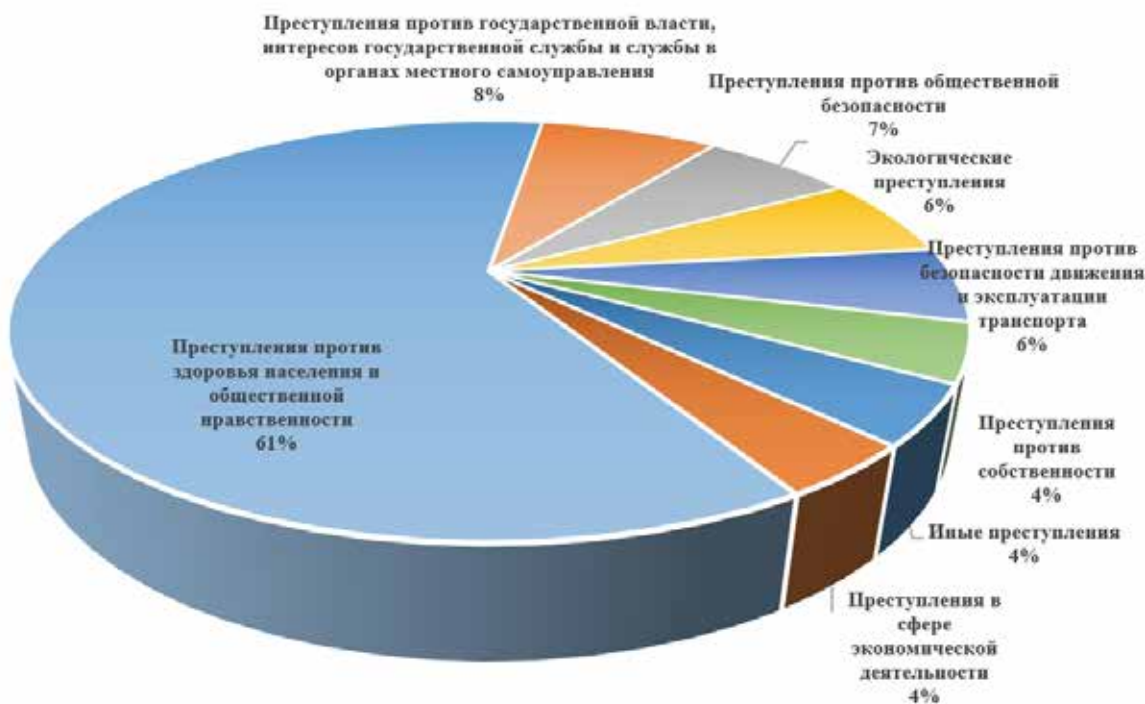
В настоящее время конфискация имущества — это иная мера уголовно-правового характера, которая не предполагает принудительного безвозмездного изъятия в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного (как было до внесения поправок в уголовный закон Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ³). При этом ограничения по изъятию установлены как характером имущества (как правило, это имущество, полученное в результате совершения преступления, доходы от такого имущества либо же орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, и ряд иных частных случаев), так и конкретным закрытым перечнем статей Особенной части УК РФ, при осуждении по которым возможно применение ст. 104.1 УК РФ.

Представляется, что используемый юридико-технический подход, предполагающий формирование исчерпывающего перечня деяний, при которых возможна конфискация, несовершенен, поскольку презюмирует, что, получая доход от преступной деятельности, можно рассчитывать, что данное имущество или доходы от этого имущества не будут изъяты. Если исходить из того, что эффективность уголовного закона во многом связана с его общепреventивным воздействием,

³ СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

Диагр. 1. Применимость конфискации имущества в России в 2021 г. относительно наиболее распространенных преступлений (удельный вес, %)

Диагр 2. Применимость конфискации имущества в России в 2022 г. относительно наиболее распространенных преступлений (удельный вес, %)

очевидность тезиса о необходимости отказа от перечисления деяний в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ неоспорима.

Кроме того, подобный подход несовершенно, поскольку предполагает дальнейшую систематическую деятельность по поддержанию перечня в актуальном состоянии (именно по этой причине с 2006 г. данный перечень корректировался 23 раза), а также не содержит ряд составов, характеризующих корыстной составляющей мотивации преступника (в первую очередь кража, грабеж, разбой, мошенничество и т.д.).

Безусловно, можно говорить, что иные меры уголовно-правового характера отличны от наказания и преследуют иные цели. Присущая наказанию карательная составляющая применительно к конфискации в настоящее время фактически отсутствует, поскольку изъятие имущества лишь дополняет наказание преступнику, лишая его того, что было добыто преступным путем (не принадлежит на законных основаниях) либо может привести к повторной преступной деятельности (орудия, оборудование, иные средства). Конечно, стоит принимать во внимание, что лицом данные меры могут восприниматься как ограничение его конституционного права на частную собственность, однако в действительности они таковыми не являются. Справедливости ради отметим, что карательная составляющая в случае конфискации денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации, чуть выше, о чем справедливо упоминают авторы⁴.

Вместе с тем говорить о том, что, предусмотрев возможность применения конфискации имущества по всем составам, можно будет добиться существенных успехов в борьбе с пре-

ступностью, не приходится. Дело здесь в первую очередь, как уже было указано, в ограниченности предмета конфискуемого имущества.

Негативно сказывается на эффективности анализируемой нормы и тот факт, что невыплата денежных средств, выступивших предметом конфискации (ст. 104.2 УК РФ), не влечет для лица никаких негативных правовых последствий, в связи с чем следует поддержать точку зрения о необходимости соответствующих законодательных корректировок⁵. Данные авторы справедливо подчеркивают и такую проблему, как законодательно определенные рамки, которые «формально ограничивают возможность конфискации имущества, не принадлежащего непосредственно виновному лицу»⁶. Речь идет о законодательном ограничении возможности конфискации имущества только в том случае, когда лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий.

Если предположить, что имеющийся превентивный потенциал конфискации имущества можно реализовать путем возвращения конфискации как дополнительного наказания (но, что важно, примененного в обязательном порядке⁷ или хотя бы в отношении преступлений, связанных с коррупцией, терроризмом и наркоторговлей⁸), то имеет смысл обратиться к зарубежному опыту использования данного института.

Зарубежный опыт использования конфискации имущества

В первую очередь, говоря об институте конфискации в зарубежных государствах, стоит приве-

⁴ Карпов К. Н. Реализация конституционных принципов равенства и справедливости при конфискации денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29. № 3 (90). С. 191.

⁵ Вакутин А. А., Карпова О. В. Проблемы исполнения конфискации имущества // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 3. С. 20.

⁶ Вакутин А. А., Карпова О. В. Указ. соч. С. 22.

⁷ Маслов В. А. Эффективность конфискации имущества в контексте официальной статистики // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 12. С. 187.

⁸ Киреева Ж. Б., Кудряшов К. В., Санькова А. А. Конфискация имущества: актуальные проблемы совершенствования антикоррупционного законодательства // Юрист-Правовед. 2020. № 2 (93). С. 66.

сти результаты исследований ученых, согласно которым в 35 европейских уголовных кодексах установлено, что в 75 % случаев конфискация выступает в качестве иной меры уголовно-правового характера⁹.

Западноафриканские исследователи говорят об эффективности конфискации имущества в рамках борьбы с финансированием терроризма, коррупционной преступностью и преступностью в сфере оборота наркотиков, считая обоснованным применение данной меры в дополнение к иным наказаниям в виде лишения свободы, штрафа и т.д.¹⁰

Европейские исследователи отмечают перспективность использования в борьбе с организованной преступностью «систематической гражданской/уголовной конфискации и конфискации активов». Причем характерно, что использование традиционных правовых санкций для противодействия организованной преступности, в частности увеличение числа осужденных (увеличение ожидаемого наказания), как утверждают ученые, лишь создает для преступных групп стимулы к расширению своей коррупционной деятельности¹¹.

Уместно указать, что по итогам 2021 г. в России за организацию незаконных формирований, банд и преступных организаций или участие в них (ст. 208–210.1 УК РФ) было осуждено 235 виновных, при этом по данной категории лишь пять раз (2,1 %) применялась конфискация имущества, а в 2022 г. из 305 осужденных лишь к одному применялись положения ст. 104.1 УК РФ (0,3 %).

Коллектив нидерландских исследователей пришел к выводу, что конфискация незакон-

ных доходов и обязанность возместить ущерб, причиненный загрязнением нефтью, более эффективны, чем штраф или тюремное заключение, поскольку в большей мере соответствуют цели сохранения окружающей среды, а также обладают некоторым сдерживающим потенциалом¹².

Североамериканские ученые, указывая на признание Верховным судом США неконституционной прямой конфискации контрабандных денежных средств, ввиду «крайней непропорциональности тяжести правонарушения»¹³, считают достаточно действенным методом борьбы с транснациональной преступной деятельностью (в первую очередь отмытием доходов, добытых преступным путем) конфискацию имущества. Одновременно исследователи обращают внимание на наличие существенных проблем, связанных с разграничением конфискации объектов (*object confiscation*), традиционно понимаемой как конфискация имущества, относящегося к доходам от преступной деятельности, и конфискации денежных средств/ценностей (*value confiscation*), *внешне* приобретенных законным путем.

В данном случае можно констатировать, что в 2021 г. 20 случаев осуждения за легализацию (отмытие) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ), сопровождались семью фактами конфискации имущества, тогда как в 2022 г. на 15 случаев осуждения по ст. 174.1 УК РФ нет ни одного факта применения ст. 104.1 УК РФ.

Представляет определенный интерес подход к конфискации имущества в Румынии. Отметим,

⁹ Землюков С. В. Институт конфискации имущества требует совершенствования // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3 (91). С. 78.

¹⁰ Amusa O. K. Non Conviction Based Criminal Forfeiture and Right to Own Property in Nigeria: Enhancing the Benefits and Engaging the Problems (September 16, 2008). P. 17.

¹¹ Buscaglia E. The Paradox of Expected Punishment: Legal and Economic Factors Determining Success and Failure in the Fight Against Organized Crime (2008) // Review of Law and Economics. 2008. Vol. 3. P. 1–25.

¹² Faure M. G. Criminal Liability for Oil Pollution Damage: An Economic Analysis (April 15, 2011) // Maritime Pollution Liability and Policy — China, Europe and the US / M. G. Faure, Han Lixin, Shan Hongjun (eds). Kluwer Law International, Alphen a/d Rijn, 2010. P. 188.

¹³ Fisher K. R. In Rem Alternatives to Extradition for Money Laundering // Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review. 2003. Vol. 25. P. 62.

что данная мера считается не наказанием, а мерой безопасности, не носящей репрессивный характер. Вместе с тем ученые указывают на проблему юридического закрепления, но фактического неприменения данной меры в отношении третьих лиц и повсеместное злоупотребление государственными служащими формулировкой «меры пресечения по делу не назначены, так как собственность у подсудимого отсутствует» (în cauză nu au fost dispuse măsuri asigurătorii, deoarece inculpatul nu are nimic pe numele lui)¹⁴.

Можно предположить, что именно вследствие того, что подсудимые заблаговременно избавляются от личной собственности, и в отечественной практике наблюдается крайне низкий процент конфискации имущества.

Итальянские исследователи, комментируя признание неконституционной конфискации имущества, законность приобретения которого не доказана (riqueza injustificada) в 1994 г.¹⁵, указывают на ключевой недостаток действовавших норм, предусматривавших перенос бремени доказывания законности приобретения имущества на лицо (так называемая «презумпция незаконного происхождения»). Данный аспект подробно исследуется и учеными из Южной Америки, отмечающими, что вследствие расширения института конфискации в Бразилии в 2019 г. возникла проблема инверсии бремени доказывания (obrigação de prova reversa на португальском или reverse proof obligation на английском языке)¹⁶.

Более поздние исследования итальянских ученых подтверждают чрезвычайную важность борьбы с организованной преступностью превентивной конфискацией — preventive confiscation (по своей сути являющейся конфискацией активов у подозреваемых по ряду преступлений до вынесения обвинительного приговора), появившейся в законодательстве Италии в 2017 г.¹⁷

Согласно австралийским исследователям, конфискация имущества обоснована в отношении организованной и «беловоротничковой» преступности, а также преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков. При этом авторы акцентируют внимание на том, что указание в законодательстве возможности конфискации имущества, законность приобретения которого спорна (unexplained wealth), требует соответствующего ограничения применения данной нормы в отношении конкретных категорий преступлений¹⁸, особенно с учетом того факта, что бремя доказывания законности приобретения имущества лежит на обвиняемом лице¹⁹.

Стоит отметить, что странам англосаксонской правовой семьи не чуждо применение конфискации как в уголовном, так и в гражданско-правовом производстве. Более того, исследования последних лет свидетельствуют о росте значимости гражданской конфискации (civil forfeiture) в вопросах борьбы с организованной преступностью²⁰.

При этом предъявление иска к титульному владельцу относительно принадлежности

¹⁴ Bogdan C. Natura juridică a măsurii confiscării în procesul penal (The Legal Nature of the Confidence Measure in the Criminal Process) (July 1, 2015). P. 133.

¹⁵ Godinho J. A. F. Do crime de «riqueza injustificada» (Artigo 28.º da Lei n.º 11/2003, de 28 de Julho) (The Crime of Illicit Enrichment (Article 28 of Law 11/2003, of July 28) (2007)) // Boletim da Faculdade de Direito da Universidade de Macau. 2007. Vol. 11. No. 24.

¹⁶ Vítor S. C. Extended Confiscation in the Brazilian Criminal Procedure: an Analysis of its Evidentiary Rules // Journal volume & issue. Vol. 22. No. 2. P. 782–814.

¹⁷ Allena M. Anti-Mafia Confiscation Against Corruption: The New Frontier of Human Rights (May 15, 2019) // 1(1) Italian Journal of Public Law (2019), Bocconi Legal Studies Research Paper 3388398, May 2019. P. 220.

¹⁸ Clarke B. A Man's Home is His Castle — Or is it? How to Take Houses from People Without Convicting Them of Anything: The Criminal Property Confiscation Act 2000 (WA) (March 2, 2004) // Criminal Law Journal. 2004. Vol. 28.

¹⁹ King C., Walker C. Counter Terrorism Financing: A Redundant Fragmentation? (November 1, 2015) // New Journal of European Criminal Law. 2015. Vol. 6. Iss. 3.

вещи (in rem), предполагающее перенос бремени доказывания на владельца, положительно оценивается и отечественными правоведами, констатирующими перспективность интеграции данного подхода в отечественную правовую систему²¹.

К вопросу об отечественном подходе к конфискации имущества в контексте указанного зарубежного опыта

В действительности упомянутые сложности, с которыми сталкивается зарубежный правоприменитель, известны российской правовой системе. Вопросы бремени доказывания с учетом конституционных положений о презумпции невиновности чрезвычайно важны, как, впрочем, важны и всем известные положения о частной собственности.

Однако можно утверждать, что до тех пор, пока в обществе (в том числе асоциальных его слоях) существует твердая установка, что добытое преступным путем имущество, в кратчайшие сроки «преобразованное» в «законно приобретенное», практически невозможно изъять, говорить о превентивном воздействии конфискации не приходится.

В связи с этим видится спорной точка зрения И. С. Горбачева относительно того, что следует избегать избыточного использования конфискации в правовой системе РФ, поскольку «на сегодняшний день применяется достаточное количество наказаний, связанных с ущемлением имущественных прав и интересов виновного»²². Безусловно, что аргументируемое среди прочего трудностями с реализацией на практике (ввиду, к примеру, всё тех же проблем с доказуемостью незаконности приобретения имуще-

ства родственниками обвиняемого) исключение конфискации как наказания сопровождалось появлением штрафов. Следует принимать во внимание и то, что конфискация долгий период времени имела существенное фискальное значение, обусловленное изначально длительным периодом неразвитости финансовой сферы, а в дальнейшем насущной потребностью в переходе к новой общественно-экономической формации. Однако, признавая, что избранный законодателем переход от изъятия имущества к изъятию денег посредством назначения штрафа, по существу, всё так же содержит в себе фискальную составляющую, нужно признать и то, что отказ от предупредительного потенциала конфискации имущества не оправдан.

На наш взгляд, доказанный факт совершения преступлений коррупционной направленности (причем в рамках как должностных преступлений, так и преступлений в сфере оборота наркотиков и т.д.) в совокупности с фактом необъяснимого богатства родственников (как близких, так и дальних) осужденного хотя бы с учетом положений о социальной справедливости не должен оставаться без соответствующей оценки со стороны государства. При этом оценка должна быть однозначно отрицательной, будь то в форме уголовного наказания, иных мер уголовно-правового характера либо изъятия имущества в гражданско-правовом порядке.

Данный тезис представляется не нуждающимся в обосновании, и, с учетом сказанного, дискуссия относительно конфискации имущества, по существу, сводится к тому, в какую правовую форму облечь изъятие и обращение имущества в собственность государства.

Важно и то, что допустимо причисление конфискации имущества и к наказанию, и к иным мерам уголовно-правового характера, и

²⁰ King C. Civil Forfeiture and Article 6 of the ECHR: Due Process Implications for England and Wales and Ireland (March 15, 2013). (2014) 34(3) Legal Studies. P. 394.

²¹ Лаптев Д. Б., Федоров А. А. Совершенствование института конфискации имущества на основе опыта зарубежных стран // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 241.

²² Горбачев И. С. Эволюция законодательной регламентации конфискации имущества в отечественной правовой системе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2022. Т. 6. № 3 (23). С. 261.

к гражданско-правовым отношениям, с соответствующими каждой из форм положительными и отрицательными последствиями.

В части включения конфискации имущества в разряд наказаний положительным шагом будет реализация превентивного (предупредительного) потенциала (при условии указания конфискации как обязательного дополнительного наказания), в то же время такой подход повлечет как минимум необходимость разграничения конфискации как наказания и конфискации как иной меры уголовно-правового характера, пересмотр ст. 104.1 УК РФ, разрешение вопроса о соотношении наказания в виде штрафа и конфискации имущества.

Кроме того, конфискация в качестве наказания не в полной мере подпадает под признаки, свойственные наказанию. Речь идет о том, что наказание и этимологически, и с точки зрения уголовного закона должно заключаться в лишении или ограничении прав и свобод, в то время как конфискуемое имущество в случае признания его результатом преступной деятельности не может быть отнесено к собственности лица по признаку незаконности приобретения. Представляется, что именно по этой причине столь значительное число государств идет по пути признания конфискации иной мерой уголовно-правового характера.

С учетом указанного абзацем выше более корректным считается причисление конфискации имущества к иным мерам уголовно-правового характера, вместе с тем очевидна потеря превентивного потенциала наказания (что важно, несмотря на невозможность сколь бы то ни было точно и конкретно «измерить» данный потенциал).

Конфискация в гражданско-правовом порядке эффективна, в частности, в силу того, что субъектом может выступать юридическое лицо; присущей цивилистическому праву состязательности сторон, а также, что стоит подчеркнуть, презумпции вины. Напомним, что именно в

рамках гражданско-правовых отношений осуществляется изъятие имущества в зарубежных государствах посредством предъявления иска *in rem* (иска к имуществу), предполагающего обязанность его владельца доказать законность его обладания (приобретения).

Важно, что в соответствии с пп. 8 и 9 п. 2 ст. 235 ГК РФ с 2012 г. в отечественной правовой системе создан механизм обращения по решению суда в доход Российской Федерации имущества, полученного в результате нарушений антикоррупционного и антитеррористического законодательства.

Вместе с тем авторы справедливо отмечают, что «конфискация как санкция за совершение правонарушения, прежде всего преступления, во всяком случае, дает основания для применения более широких мер по изъятию имущества как к нарушителю, так и к третьим лицам, которые так или иначе связаны с совершенным правонарушением, чем это возможно в рамках гражданских отношений»²³. Речь в данном случае идет об отсутствии значимости для правоприменения оснований приобретения имущества.

Особое место в вопросах конфискации имеют положения Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»²⁴, статьей 17 которого предусмотрена возможность обращения в доход государства имущества (земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций) или денежных средств, эквивалентных имуществу государственного служащего (его супруги (супруга) или несовершеннолетних детей), при недоказанности законности их приобретения в судебном порядке.

Данные нормы пусть и с неоднозначной правоприменительной практикой, но реализуются, ярким примером чему является небезызвестное дело полковника Захарченко.

²³ Скловский К. И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 11. С. 183.

²⁴ СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. IV). Ст. 6953.

Нужно понимать, что, как нам представляется, несмотря на всю важность определения места конфискации имущества в отечественной правовой системе, краеугольным камнем всё же выступает вопрос возможности изъятия имущества, добытого преступным путем, но в том или ином виде легализованного.

Возможно, что на решение вопроса о конфискации имущества накладывает существенный отпечаток негативный опыт применения такой меры как вида наказания в советский период, но справедливости ради следует помнить, что конфискация была известна еще задолго до порочной правоприменительной практики ее применения в период построения социализма.

Вместе с тем с учетом как указанного зарубежного, так и отечественного опыта видится обоснованным обращение к вопросу о нормативном закреплении переноса бремени доказывания законности происхождения имущества на лиц, к которым авторы, к примеру, предлагают отнести «супругов, родителей и детей, а также иных близких родственников при наличии достоверных сведений о передаче имущества осужденным данным лицам»²⁵.

Говоря о месте конфискации имущества в отечественной правовой системе, стоит отдельно остановиться на проблеме причисления конфискации имущества к наказанию в контексте презумпции невиновности.

Дело в том, что конфискация имущества будет эффективна (как с точки зрения социальной справедливости, так и с точки зрения превентивного потенциала) только тогда, когда незаконно добытое имущество изымается независимо от того, находится ли оно у виновного лица либо передано другим лицам. В то же время презумпция невиновности предполагает возможность привлечения к уголовной ответственности только при наличии вины, соответственно, лицо должно однозначно понимать, что переданное ему имущество добыто преступным путем. Таким образом, может показаться, что отсутствие понимания незаконности переданного имущества должно являться препятствием к его изъятию, однако согласиться с этим нельзя.

Безусловно, привлечение владельца такого имущества к уголовной ответственности лишено какого бы то ни было смысла, однако с точки зрения социальной справедливости, принимая во внимание, что у имущества есть законный собственник, который этого имущества был лишен в результате преступных действий, говорить об отсутствии оснований для изъятия имущества не приходится.

Сказанное однозначно наводит на мысль, что возможности конфискации имущества как наказания существенно ограничены концептуальными основами уголовного права — невозможностью привлечения к уголовной ответственности лица, непричастного к преступлению, в то время как корыстная преступность зачастую как раз связана с передачей незаконного имущества иным лицам.

Именно данные обстоятельства закономерно привели к тому, что институт конфискации имущества вышел за рамки уголовного законодательства, и возможность изъятия имущества и обращения его в доход государства регламентируется целым рядом нормативных правовых актов.

Заключение

С учетом изложенного можно констатировать следующее.

Во-первых, применение ст. 104.1 УК РФ столь невелико, что о сколь бы то ни было весомом воздействии на преступность говорить явно не приходится. По сути, конфискация выполняет лишь так называемую защитную функцию, потому что изъятию, как правило, подлежат объекты преступной деятельности (орудия, оборудование или иные средства совершения преступления). Возможность изъятия денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, существенно ограничена ввиду:

- закрытого перечня составов преступлений, обозначенных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ;
- законодательного ограничения возможности изъятия переданного осужденным дру-

²⁵ Вакутин А. А. Указ. соч. С. 22.

тому лицу (организации) имущества: только в случае если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий (ч. 3 ст. 104.1 УК РФ);

— возложения бремени доказывания незаконности приобретения имущества на органы государственной власти без каких-либо оговорок.

При этом имеющиеся факты применения конфискации в шести случаях из 10 связаны с незаконными действиями и нарушением правил обращения с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами.

Во-вторых, в некоторой степени повысить превентивное влияние на общество способен отказ от перечисления конкретных составов преступлений, при осуждении за которые возможна конфискация имущества.

Кардинальным видится высказываемое с 2003 г. предложение вернуть конфискацию имущества как самостоятельное наказание, однако же с оговоркой, что данное дополнительное наказание должно стать обязательным. Препятствием для подобного возвращения выступает:

— сложившийся на протяжении последних лет опыт применения конфискации как иной

меры уголовно-правового характера (невозможность включения в уголовный закон терминологически тождественного иной мере уголовно-правового характера наказания);

— возможность изъятия имущества в доход государства в гражданско-правовом порядке;

— негативный исторический опыт применения конфискации имущества;

— отсутствие однозначно достоверных и признаваемых данных, характеризующих превентивный потенциал конфискации как наказания (особенно в условиях возможности применения конфискации имущества как наказания исключительно к виновному лицу).

С учетом указанного говорить о перспективах возвращения конфискации имущества в перечень наказаний в обозримом будущем не приходится.

В-третьих, если всё же рассматривать возможность восстановления конфискации имущества как наказания, то с учетом зарубежного опыта стоит обратить внимание на то, что данная мера наказания должна применяться в дополнение к лишению свободы как основному наказанию за коррупционные преступления, легализацию (отмывание) доходов, в отношении организованной и «беловоротничковой» преступности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Босхолов С. С. Российский либерализм и проблемы антикоррупционной уголовной политики // Труды Института государства и права РАН. — 2014. — № 3. — С. 31–43.
2. Вакутин А. А., Карпова О. В. Проблемы исполнения конфискации имущества // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. — 2022. — № 3. — С. 19–23.
3. Горбачев И. С. Эволюция законодательной регламентации конфискации имущества в отечественной правовой системе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки». — 2022. — Т. 6. — № 3 (23). — С. 255–262. — DOI: 10.21603/2542-1840-2022-6-3-255-262.
4. Землюков С. В. Институт конфискации имущества требует совершенствования // Известия Алтайского государственного университета. — 2016. — № 3 (91). — С. 76–79. — DOI: 10.14258/izvasu(2016)3-14.
5. Карпов К. Н., Бекетов А. О. Реализация конституционных принципов равенства и справедливости при конфискации денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2023. — Т. 29. — № 3 (90). — С. 189–194. — DOI: 10.24412/1999-625X-2023-390-189-194.
6. Киреева Ж. Б., Кудряшов К. В., Санькова А. А. Конфискация имущества: актуальные проблемы совершенствования антикоррупционного законодательства // Юрист-Правоведъ. — 2020. — № 2 (93). — С. 63–67.

7. Лаптев Д. Б., Федоров А. А. Совершенствование института конфискации имущества на основе опыта зарубежных стран // Вестник Томского государственного университета. — 2022. — № 477. — С. 239–245. — DOI: 10.17223/15617793/477/27.
8. Маслов В. А. Эффективность конфискации имущества в контексте официальной статистики // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 175–190. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.175-190.
9. Склоковский К. И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 11. — С. 156–186.
10. Allena M. Anti-Mafia Confiscation Against Corruption: The New Frontier of Human Rights (May 15, 2019) // 1(1) Italian Journal of Public Law (220) 196–222 (2019). — Bocconi Legal Studies Research Paper 3388398, May 2019. — DOI: 10.2139/ssrn.3388398.
11. Amusa O. K. Non Conviction Based Criminal Forfeiture and Right to Own Property in Nigeria: Enhancing the Benefits and Engaging the Problems (September 16, 2008). — DOI: 10.2139/ssrn.1268806.
12. Bogdan C. Natura juridică a măsurii confiscării în procesul penal (The Legal Nature of the Confidence Measure in the Criminal Process) (July 1, 2015). — P. 89–134. — DOI: 10.2139/ssrn.3337733.
13. Buscaglia E. The Paradox of Expected Punishment: Legal and Economic Factors Determining Success and Failure in the Fight Against Organized Crime (2008) // Review of Law and Economics. — 2008. — Vol. 3. — P. 1–25.
14. Clarke B. A Man's Home is His Castle — Or is it? How to Take Houses from People Without Convicting Them of Anything: The Criminal Property Confiscation Act 2000 (WA) (March 2, 2004) // Criminal Law Journal. — 2004. — Vol. 28. — P. 263–286.
15. Faure M. G. Criminal Liability for Oil Pollution Damage: An Economic Analysis (April 15, 2011) // Maritime Pollution Liability and Policy — China, Europe and the US / M. G. Faure, Han Lixin, Shan Hongjun (eds). — Kluwer Law International, Alphen a/d Rijn, 2010. — Chapter 10. — P. 161–192.
16. Fisher K. R. In Rem Alternatives to Extradition for Money Laundering // Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review. — 2003. — Vol. 25.
17. Godinho J. A. F. Do crime de «riqueza injustificada» (Artigo 28.º da Lei n.º 11/2003, de 28 de Julho) (The Crime of Illicit Enrichment (Article 28 of Law 11/2003, of July 28) (2007)) // Boletim da Faculdade de Direito da Universidade de Macau. — 2007. — Vol. 11. — No. 24.
18. King C., Walker C. Counter Terrorism Financing: A Redundant Fragmentation? (November 1, 2015) // New Journal of European Criminal Law. — 2015. — Vol. 6. — Iss. 3.
19. King C. Civil Forfeiture and Article 6 of the ECHR: Due Process Implications for England and Wales and Ireland (March 15, 2013). (2014) 34(3) Legal Studies. — P. 371–394.
20. Vítor S. C. Extended Confiscation in the Brazilian Criminal Procedure: an Analysis of its Evidentiary Rules // Journal volume & issue. — 2021. — Vol. 22. — No. 2. — P. 782–814. — DOI: 10.12957/redp.2021.52607.

Материал поступил в редакцию 3 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Boskholov S. S. Rossiyskiy liberalizm i problemy antikorrupcionnoy ugovnoy politiki // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. — 2014. — № 3. — С. 31–43.
2. Vakutin A. A., Karpova O. V. Problemy ispolneniya konfiskatsii imushchestva // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. — 2022. — № 3. — С. 19–23.
3. Gorbachev I. S. Evolyutsiya zakonodatel'noy reglamentatsii konfiskatsii imushchestva v otechestvennoy pravovoy sisteme // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i

- obshchestvennye nauki». — 2022. — Т. 6. — № 3 (23). — С. 255–262. — DOI: 10.21603/2542-1840-2022-6-3-255-262.
4. Zemlyukov S. V. Institut konfiskatsii imushchestva trebuetsya sovershenstvovaniya // *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2016. — № 3 (91). — С. 76–79. — DOI: 10.14258/izvasu(2016)3-14.
 5. Karpov K. N., Beketov A. O. Realizatsiya konstitutsionnykh printsipov ravenstva i spravedlivosti pri konfiskatsii denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva vzamen predmeta, podlezhashchego konfiskatsii // *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. — 2023. — Т. 29. — № 3 (90). — С. 189–194. — DOI: 10.24412/1999-625X-2023-390-189-194.
 6. Kireeva Zh. B., Kudryashov K. V., Sankova A. A. Konfiskatsiya imushchestva: aktualnye problemy sovershenstvovaniya antikorrupcionnogo zakonodatelstva // *Yurist-Pravoved*. — 2020. — № 2 (93). — С. 63–67.
 7. Laptev D. B., Fedorov A. A. Sovershenstvovanie instituta konfiskatsii imushchestva na osnove opyta zarubezhnykh stran // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2022. — № 477. — С. 239–245. — DOI: 10.17223/15617793/477/27.
 8. Maslov V. A. Effektivnost konfiskatsii imushchestva v kontekste ofitsialnoy statistiki // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 175–190. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.175-190.
 9. Sklovskiy K. I. Primenenie zakonodatelstva ob obrashchenii v dokhod gosudarstva imushchestva, poluchennogo v rezul'tate narusheniya zakonodatelstva o protivodeystvii korruptsii // *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. — 2021. — № 11. — С. 156–186.
 10. Allena M. Anti-Mafia Confiscation Against Corruption: The New Frontier of Human Rights (May 15, 2019) // 1(1) *Italian Journal of Public Law* (220) 196–222 (2019). — Bocconi Legal Studies Research Paper 3388398, May 2019. — DOI: 10.2139/ssrn.3388398.
 11. Amusa O. K. Non Conviction Based Criminal Forfeiture and Right to Own Property in Nigeria: Enhancing the Benefits and Engaging the Problems (September 16, 2008). — DOI: 10.2139/ssrn.1268806.
 12. Bogdan C. Natura juridică a măsurii confiscării în procesul penal (The Legal Nature of the Confidence Measure in the Criminal Process) (July 1, 2015). — P. 89–134. — DOI: 10.2139/ssrn.3337733.
 13. Buscaglia E. The Paradox of Expected Punishment: Legal and Economic Factors Determining Success and Failure in the Fight Against Organized Crime (2008) // *Review of Law and Economics*. — 2008. — Vol. 3. — P. 1–25.
 14. Clarke B. A Man's Home is His Castle — Or is it? How to Take Houses from People Without Convicting Them of Anything: The Criminal Property Confiscation Act 2000 (WA) (March 2, 2004) // *Criminal Law Journal*. — 2004. — Vol. 28. — P. 263–286.
 15. Faure M. G. Criminal Liability for Oil Pollution Damage: An Economic Analysis (April 15, 2011) // *Maritime Pollution Liability and Policy — China, Europe and the US* / M. G. Faure, Han Lixin, Shan Hongjun (eds). — Kluwer Law International, Alphen a/d Rijn, 2010. — Chapter 10. — P. 161–192.
 16. Fisher K. R. In Rem Alternatives to Extradition for Money Laundering // *Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review*. — 2003. — Vol. 25.
 17. Godinho J. A. F. Do crime de «riqueza injustificada» (Artigo 28.º da Lei n.º 11/2003, de 28 de Julho) (The Crime of Illicit Enrichment (Article 28 of Law 11/2003, of July 28) (2007)) // *Boletim da Faculdade de Direito da Universidade de Macau*. — 2007. — Vol. 11. — No. 24.
 18. King C., Walker C. Counter Terrorism Financing: A Redundant Fragmentation? (November 1, 2015) // *New Journal of European Criminal Law*. — 2015. — Vol. 6. — Iss. 3.
 19. King C. Civil Forfeiture and Article 6 of the ECHR: Due Process Implications for England and Wales and Ireland (March 15, 2013). (2014) 34(3) *Legal Studies*. — P. 371–394.
 20. Vítor S. C. Extended Confiscation in the Brazilian Criminal Procedure: an Analysis of its Evidentiary Rules // *Journal volume & issue*. — 2021. — Vol. 22. — No. 2. — P. 782–814. — DOI: 10.12957/redp.2021.52607.